

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МАЗЕПА.

Поэма Байрона.

I.

Замолкли громы подъ Полтавой;
Обмануть счастьемъ пылкій Шведъ:
Легли полки; съ земли кровавой
Уже не встать имъ для побѣдъ:
И сила съ славой боевою,
Непостоянныи воевъкъ,
Какъ ихъ поклонникъ, человекъ,
Передались Царю-герою,
И Кремль грозы уже не ждетъ.
Но день, еще мрачнѣй, настанетъ,
Но прійдетъ памятиѣе годъ:

Москва стыдомъ и смертью грянетъ,
И врагъ, еще сильнѣй, падеть;
Еще позорнѣй пораженъе
Постигнетъ рати съ ихъ вождемъ:
Шумнѣе, гибельнѣй паденье,
Вождю ударъ, дружинамъ громъ.

II.

Такъ выпалъ жребій: Карлъ разбитый
Бѣжать впервые принужденъ;
И день и ночь стремится онъ,
Своею кровію облитый
И кровью подданныхъ своихъ.
За Карла тьмы погibli ихъ;
Уже предъ силой сокрушенной
Нестрашно правдѣ въ этотъ мигъ:
Но ни одинъ несльшенъ крикъ
Въ упрекъ гордынѣ униженной.
Подъ нимъ застрѣленъ конь его;
Отъ ранъ Гіэта * умирая,
Монарху отдалъ своего,
Но палъ и тотъ изнемогая.
И чтожь? въ глуши, во тьмѣ лѣсовъ,
Среди свѣтящихъ въ отдаленъ
Огней недремлющихъ враговъ,
Король находитъ одръ и кровъ.

* По свидѣтельству Вольтера (Hist. de Charles XII) полковникъ Гіэта, истекая кровію, отдалъ Карлу свою лошадь.

Вотъ лавры, вотъ отдохновенье,
 Вотъ для чего борьба племень!
 Его несутъ подъ ближній клень:
 Едва дыша, всѣхъ смѣль лишень,
 Недвиженъ, онъ отъ боли стонеть.
 И хладъ и мракъ со всѣхъ сторонъ,
 И дрожь болезненная гонить
 Съ его очей мгновенный сонъ.
 Но опытъ горькаго паденья
 Монархъ поцарски выносилъ,
 И тѣла лютыя мученья
 Могучей волѣ покорилъ.
 Такъ и народы онъ недавно
 Къ повиновенью приводилъ
 Своею силою державной.

III.

Лишь горсть вождей: такъ день одинъ
 Разсѣлъ сонмища дружинъ!
 Но вѣренъ, доблестенъ кругъ тѣсныхъ:
 Нѣмые въ горести своей,
 Садятся всѣ подъ кровъ древесный
 Вкругъ государя, близъ коней.
 Такъ люди съ тварью безсловесной
 Дружатся въ общей имъ бѣдѣ;
 Такъ всѣ равняются въ нуждѣ.
 Въ числѣ другихъ Мазепа тоже
 Подъ старымъ дубомъ стелеть ложе:

Какъ дубъ и крѣпокъ и суровъ,
Едва ли самъ его моложе
Отважный гетманъ казаковъ.
Потомъ онъ, отдыхъ забывая,
Отеръ коня, его лаская;
Подъ борзымъ листьямъ набросалъ,
Его по гривѣ потрепалъ,
И разнуздаль, и любовался
Какъ жадно онъ траву щипалъ.
Досель Мазепа опасался,
Что конь его ночью порой
Пренебрежетъ роснстымъ знакомъ.
Но вѣрный конь, какъ самъ герой,
И неизмѣненъ и нелакомъ.
Хоть гордъ, всегда послушенъ онъ;
На все готовъ, легокъ, силенъ;
Съ Татарской прытью онъ несется;
Онъ знаетъ голосъ полководца;
Къ нему торопится на зовъ;
Его отыщетъ межъ рядовъ;
И если бъ звѣздный лучъ затмился,
Съ заката солнца по разсвѣтъ
Во тьмѣ бы добрый конь стремился
Покорно воину во слѣдъ.

IV.

Мазепа плащъ на дернъ бросаетъ,
Становить къ дереву копье,
Потомъ оружье разбираетъ;
Взглянулъ, исправно ли ружье,

Пощупалъ сабли лезвее;
Отеръ ножны и рукоятку,
И словомъ, все добро свое
Пересмотрѣлъ онъ попорядку.
Потомъ баклагу взялъ съ кисой
И, приготовивъ ужинъ свой,
Монарха подчивалъ съ вождями,
Спокойнѣй духомъ, чѣмъ иной
Придворный въ пиршествѣ съ друзьями.
Отвѣдавъ скудныхъ яствъ, король
Хотѣлъ, скрывая скорбь и боль,
Весельимъ быть на зло судьбинѣ,
И улыбаясь началъ такъ:
«Никто во всей моей дружинѣ
Не превзошелъ тебя, казакъ!
Отъ Македонскаго понинѣ
Свѣтъ не видалъ такой четы,
Какъ съ Буцефаломъ этимъ ты.
Всю славу Скиеовъ помрачаетъ
Твоя удамая ѣзда!»
На то Мазепа отвѣчаетъ:
«Да будетъ вѣчно проклата
Та школа, гдѣ наукѣ конной
Учился я!» И изумленной
Король спросилъ: «что такъ, старикъ?»
Науку славно ты постигъ!»
«Есть бьшь; но нынѣче не до бьши,
Тотъ возразилъ: не двѣ-три мили
Еще скакать намъ отъ врага:
Вездѣ опасность отъ погони,
Пока не ступятъ наши кони

На Задніпровскіе луга.
И, государь, тебѣ нужна же
Минута отдыха: я бѣ сталъ
Передъ дружиною на стражѣ.»
«Скажи ту былъ, монархъ прервалъ,
О томъ прошу тебя. Проворно,
Быть можетъ, я подъ твой рассказъ
Намигъ сомкну усталый глазъ:
Дрема бѣжитъ меня упорно.»

Съ такой надеждой я готовъ:
Тогда, я думаю, годовъ
Мнѣ было двадцать... такъ, не больше;
И Казимиръ въ то время въ Польшѣ —
Янъ Казимиръ — былъ королемъ.
Я былъ шесть лѣтъ его пажемъ.
Ужъ то-то былъ монархъ ученый;
Съ тобой не сходствовалъ ни въ чемъ:
Онъ оставлялъ въ покоѣ троны,
Не бралъ, за то и не терялъ,
И, кромѣ прѣвій на діятъ,
Премирно царствомъ управлялъ.
Но кто безъ горя жилъ на свѣтѣ?
Онъ музъ и женщинъ обожалъ:
Онѣ жъ такъ гнѣвны, что порою
Войны желалъ бы Казимиръ;
Но онъ склонился вновь на миръ
Предъ новой книгой иль красою.
Цирамъ, бывало, нѣтъ конца.
Народъ по улицамъ Варшавы
Бѣжитъ къ стѣнамъ его дворца

Взглянуть на пышныя забавы,
 На блескъ вельможъ и дѣвъ и женъ.
 Толпа поэтовъ Казимиру
 Твердила: ты нашъ Соломонъ!
 Одинъ лишь, помнится, сатиру
 Скропалъ неприврѣнный пѣвецъ,
 И хвасталъ тѣмъ, что онъ нельстецъ.
 Дворъ веселъ, шуменъ былъ въ тѣ годы;
 Въ немъ всѣ за вирши принялись;
 Я самъ слагалъ порою оды
 И ихъ подписывалъ: Тирсисъ.
 Былъ нѣкто старшій воевода:
 Богатъ какъ рудокопня, графъ
 И очень древняго ужъ рода.
 Онъ былъ невмѣру величавъ;
 Сокровищъ онъ имѣлъ безъ счета;
 Его любимая забота
 Была надъ золотомъ сидѣть,
 Иль въ родословную глядѣть:
 И такъ зазнался онъ надъ ними,
 Что счелъ, въ какомъ-то забытьи,
 Заслуги предковъ за свои.
 Жена, съ привычками иными,
 Была годами тридцатью
 Моложе, и кляла въ неволѣ
 И власть его и жизнь свою.
 Сперва желанія, не боги,
 Потомъ надежды, съ ними страхъ,
 Стыда и сожалѣнья слезы,
 Гамъ соблазнительныхъ грезы,
 А дальше встрѣчи на пирахъ

Съ Варшавской молодежью, глазки
 Въ восторгахъ пѣнья или пляски :
 Все это живо, быстро шло
 И незамѣтно привело
 Ее къ опаснѣйшей развязкѣ . . .

V.

Тогда я былъ въ моей веснѣ.
 Скажу теперь подъ сѣдинами:
 Межъ молодыми Поляками
 Немного равныхъ было мнѣ
 Блестящей юности дарами.
 Я веселъ былъ, могучъ, удалъ . . .
 Теперь не то: я страшень сталъ ;
 Давно согнулся станъ мой стройный;
 На мнѣ гѣта, заботы, войны
 Свой слѣдъ глубоко провели.
 Меня отвергли бы свои —
 Такъ вечеръ мой несхожъ съ зарею!
 И прежде, чѣмъ года мои
 Прошли надъ этой головою,
 Уже давно не тотъ я былъ.
 Ты знаешь: возрастъ не убилъ
 Во мнѣ ни храбрости, ни силъ —
 Иль я бы сказкою ночью
 Тебя теперь не веселилъ
 Подъ черной неба пеленою.

Но дагѣ. Терезы видъ . . .
 Еще теперь такъ помню живо,

Что мнится, будто бы сидитъ
 Она вотъ здѣсь подъ этой нвой.
 Но гдѣ счастливыхъ словъ сыскать,
 Чтобъ образъ милой описать?
 Азійскихъ дѣвъ глаза и брови;
 Слѣдъ примѣси Турецкой крови,
 Текущей въ жслахъ Поляковъ—
 Глаза темны, какъ тверди кровь
 Надъ нами. Но сквозь эти очи
 Мерцалъ какой-то нѣжный лучъ,
 Какъ новый мѣсяцъ въ часъ полночи
 Украдкой брежетъ изъ-за тучъ.
 Любовь и томность выражая
 И тая въ собственномъ огнѣ,
 Тебѣ напомнили бѣ онѣ
 Святыхъ, которые, для рай
 Томяся въ мукахъ на кострѣ,
 Въ восторгѣ взоръ стремятъ горѣ.
 Чело, какъ озеро въ день ясной,
 Когда ни струйка не плеснетъ
 И лучъ играетъ въ лонѣ водъ,
 И въ нихъ глядится неба сводъ;
 Уста и щеки --- но напрасно...
 Терезу я любилъ тогда,
 Люблю теперь все также страстно,
 И охладить меня невластно
 Ничто — ни счастье, ни бѣда;
 Люблю въ самомъ ожесточеньи,
 И прошлое за мною вслѣдъ
 До этихъ позднихъ жизни лѣтъ
 Идетъ неотгонимой тѣнью.

VI.

Судьба свела насъ. Я взглянулъ.
Мой взоръ былъ встрѣченъ. Я вздохнулъ.
Она, стыдливая, молчала,
Но молча какъ-то отвѣчала.
Есть рѣчь безъ словъ, языкъ нѣмой
Тайственной, неуловимый,
Для чувства только постижимый,
Для хладнаго ума чужой.
Невольно мысль души кипучей
Сверкаетъ искрами извѣй;
Какъ бы связуясь цѣпью жгучей,
Два юныхъ сердца вдругъ въ огнѣ:
Такъ быстро пламя сообщаетъ
Электризованный металлъ,
Но какъ? никто не постигаетъ.
Я мучился втиши, рыдалъ,
Нетерпѣливо ждалъ сближенья—
И скоро случай сблизилъ насъ:
И мы могли уже подчасъ
Поговорить безъ подозрѣнья.
О, какъ я жаждалъ объясненья!
Но мой языкъ коснѣлъ неразъ,
Пока не выждалъ я мгновенья.
Случилось какъ-то ей со мной
Наединѣ быть за игрой—
Какой? назвать ужъ не умѣю:
Игра пустая; но за нею
Дни убивали мы порой.
Въ тотъ разъ терялъ я то-и-дѣло;
Но что мнѣ было до того?

Со мною глазъ-на-глазъ сидѣло
 Столь дорогое существо!
 Какъ стражъ, за ней слѣдилъ я окомъ
 (Будь наша стража такъ бодр!)
 Она въ раздуміи глубокомъ
 Склонилась на руку. Игра
 Ея души не занимала.
 Часы летѣли; но она,
 Какъ бы къ столу пригвождена,
 Играть со мной не преставала.
 И мысль въ сердечной глубинѣ
 Какъ молнія сверкнула мнѣ:
 Въ ней что-то шепчетъ о надеждѣ!
 И въ этотъ мигъ, смѣлѣй чѣмъ прежде,
 За мыслью рѣчь моя лглась
 Несвязно, странно, торопливо;
 Но ей внимали терпѣливо.
 Чего жъ еще? Кто слушалъ разъ,
 Тотъ и еще услышитъ насъ:
 Ужъ сердце, значить, нельдяное;
 Хоть и откажутъ, будь въ покоѣ,
 Съ надеждой выслушай отказъ.

VII.

Я обожалъ. Меня любили.
 Ты, государь — есть слухъ такой —
 Ты нѣжной слабости людской
 Не зналъ. Тебя бы утомили
 Подробности сердечныхъ мукъ;

Тебѣ бѣ смѣшонѣ былѣ мой недугъ:
Я повѣсть ихъ могу оставить.
Но всѣмъ нельзя жѣ владѣть страстьми;
Не всѣ, какъ ты, умѣютъ править
Равно собою и людьми.
Я самъ глава надъ племенами,
Или вѣрнѣе — былъ главой;
По волѣ двигая рядами,
Велѣ тысячи на смертный бой,
Но былѣ невластенѣ надъ собой.
Я обожалѣ. Меня любили.
И признаюсь: любовь сладка,
Но отъ нея бѣда близка.
Свиданья наши тайны были.
Ихъ краткій часѣ, о, какъ собою
Онѣ искуплялѣ мнѣ ожиданье!
И что предѣ нимѣ вѣкъ долгій мой!
На всемѣ далекомѣ разстоянѣ
Отъ юности до позднихъ лѣтъ
Ему въ моемѣ воспоминанѣ
Подобныхъ не было и нѣтъ.
Украину бѣ отдалѣ я охотно,
Чтобѣ на одинѣ еще хоть разѣ
Мнѣ воротить тотѣ сладкій часѣ;
Чтобы назваться беззаботно
Опять тѣмѣ счастливымѣ пажемѣ,
Который — съ юностью златою
Богатѣ въ убожествѣ своемѣ —
Такѣ дорожилѣ своей судьбою,
Владѣя сердцемѣ и мечемѣ.
Я тайно лишь видался съ нею:

Свиданья тайныя вдвойнѣ
 Пріятны многимъ, но не мнѣ.
 Я, чтобъ назвать ее своею
 Предъ цѣлымъ свѣтомъ и Творцемъ,
 Не поскупился бѣ жизнью всею —
 И будто лдъ мнѣ сердце жгли
 Свиданья тайныя мои.

VIII.

Но на влюбленныхъ много глазъ:
 Такъ примѣчали всѣ и насъ.
 Лазутчики насъ сторожили
 И, на свиданіи заставъ,
 Меня съ Терезой захватили.
 Неистово былъ гнѣвъ графъ.
 Оружья не было со мною.
 Но будь я съ головы до ногъ
 Закованъ въ сталь; чтобъ сдѣлать могъ
 Я передъ дерзкою толпою?
 Вблизи оттоль былъ графа домъ;
 Надежды, помощи — ни въ комъ.
 То было ночью предъ зарею.
 Я думалъ: невидать мнѣ дня,
 Часъ смерти близокъ для меня.
 Межъ-тѣмъ, какъ съ тихою мольбою
 Себя ввѣрляя небесамъ,
 Пришли мы къ графскимъ воротамъ.
 Но что потомъ съ Терезой было,
 Не знаю. Графъ разсвирѣпѣлъ.

Какой достался ей удѣлъ,
Того мнѣ время не открыло.

IX.

«Коня!» И вмигъ онъ подведенъ.
Въ Украинѣ былъ тотъ конь рожденъ;
Силъ онъ гордою красою,
И, мнилось, весь проникнуть онъ
Безплотной мысли быстротою;
Но дикъ и робокъ, какъ олень.
Сталь бедръ его не заклемила;
Онъ жесткаго не зналъ удила;
Онъ вольнымъ былъ еще за день.
Теперь храпя, щетинясь гривой,
Въ борьбѣ напрасной, но строптивой,
Весь въ пѣнѣ, яростью кипя,
Стоялъ сынъ степи предо мною.
Вотъ гнусной челяди толпою
Къ его хребту привязанъ я.
Ударилъ бичъ — и конь съ собою
Несетъ меня — впередъ! впередъ!
Быстрѣй потока бурныхъ водъ!

X.

Впередъ! впередъ! Я чуть дышалъ;
Куда летѣлъ онъ, не видалъ;

Ужъ солнце вышло надъ востокомъ ;
 Онъ дальше, дальше мчится скокомъ.
 Послѣдній звукъ изъ устъ людскихъ
 Былъ хохотъ ненавистно-дикій
 Толпы мучителей монхъ:
 За мною адскіе ихъ клики
 Со свистомъ вѣтра разнеслись.
 Рванулъ я въ гнѣвъ голову —
 На шеѣ связи подались,
 И я, согнувшись дугою,
 Врагамъ проклятье проревѣлъ.
 Но скокъ коня окрестъ гремѣлъ:
 Едва ль мой крикъ до нихъ домчался.
 О, жаль мнѣ, если неотищенъ
 Обидный хохотъ ихъ остался !
 Нѣтъ, съ лихвой былъ оплаченъ онъ:
 На мѣстѣ гордыхъ стѣнъ и башенъ,
 Тяжелыхъ сводовъ и мостовъ,
 И вала вокругъ глубокихъ ровъ,
 Теперь, среди заглохшихъ пашенъ,
 На камнѣ камня даже нѣтъ;
 Изглаженъ тамъ и жизни слѣдъ;
 Былинка нѣтъ на всей равнинѣ;
 Гдѣ-гдѣ обломки лишь стѣны
 Терновникомъ осѣнены,
 И путнику ничто тамъ нынѣ
 Ужъ не напомнитъ о твердынѣ.
 Я видѣлъ пламя по стѣнамъ;
 Я слышалъ, какъ свергались съ трескомъ
 Громады черныхъ башенъ тамъ;
 Свинецъ, какъ дождь, съ багровымъ блескомъ

Лился съ дымящихся высотъ.
Не думалъ графъ въ день черный тотъ,
Когда на молнии быстробѣжной
Въ добычу смерти неизбежной
Онъ звѣрски обрекалъ меня,
Въ тотъ день не думалъ онъ, что я
Когда нибудь къ нему явлюся
Съ десяткомъ тысячъ лошадей,
И съ нимъ за шутку расплачуся
Свирѣпой местію моею.
Со мной сыгралъ онъ шутку злую,
Тогда, какъ дикаго коня
Вожатымъ выбралъ для меня.
Сыгралъ и я съ нимъ удачу:
Мой долгъ былъ красенъ платежемъ!
Чего-то время не устроить!
Мгновенье лишь подстережемъ —
Врага отъ мести не укроетъ
Ничто. Неутомимый трудъ
И неусыпное гоненье
Того, кто помнить оскорбленье,
Вездѣ обидчика найдутъ.

XI.

Впередъ, впередъ летѣли мы
На крыльяхъ вѣтра.. Ужъ за нами
Остались села съ городами:
Такъ точно, въ часъ полночной тьмы,

Огни полярнаго сіяннѣ
Скользятъ по завѣсѣ небесъ.
Нѣтъ ни жилья вокругъ, ни зданья;
Мы въ полѣ; съ края чернѣй лѣсъ—
И человѣка слѣдъ исчезъ.
Гдѣ-гдѣ лишь башни укрѣпленій,
Вооруженныхъ искони
Противъ Татарскихъ нападений.
Порой виднѣются вдали.
Здѣсь за-годъ Спаги проходили,
И гдѣ копыта ихъ коней
Тоштали свѣжій цвѣтъ полей,
Тамъ знакъ бѣжить кровавой пыли.
Подернуть мглою небосклонъ;
Все спитъ: въ безмолвіи глубокомъ
Лишь вѣтерка прокрадся стонъ.
Ему отвѣтилъ бы я вздохомъ;
Но конь летитъ впередъ, впередъ;
Не дастъ вздохнуть, ни помолиться:
Дождемъ съ главы моей струится
Ему на гриву хладный потъ.
А онъ, отъ ярости и страха
Храпя, несется легче праха.
Порою мнится мнѣ намигъ,
Что бурный бѣгъ его утихъ:
Мечта! я слабѣи, изнуреннѣи
Ничто для силы разъяренной;
Мой грузъ, какъ стали острее,
Лишь только подстрекалъ ее.
Уснѣе каждое мое,
Чтобъ изъ убійственнаго плѣна

Исторгнуть вспухнувшіе члены,
Лишь умножало пылъ, испугъ
Въ конѣ. Я издалъ слабый звукъ —
Какъ отъ бича онъ заметался;
Чуть шорохъ — вздрагивалъ онъ вдругъ,
Какъ будто громъ трубы раздался.
Межъ тѣмъ кровавая струя
Узлы ремней ужъ покрывала,
И жаждою гортань моя
Какъ въ ярое пламени сгарала.

XII.

Предъ нами лѣсъ. Обширенъ онъ,
И нѣтъ конца со всѣхъ сторонъ:
Тамъ величаво возвышались
Верхи деревьевъ вѣковыхъ.
Напрасно бури ополчались
Съ пустынь Сибири противъ нихъ:
Они, нахмурясь, не склонялись
Неколебимою главой;
Но рѣдки были. Между ними
Кустарникъ свѣжій и густой
Шумѣлъ листьями молодыми.
Еще въ то время не срывалъ
Ихъ вѣтеръ осени суровой;
Еще тогда не покрывалъ
Ихъ цвѣтъ безжизненно-багровый,
Подобный крови на тѣлахъ,
Лежащихъ кучами въ поляхъ,

Когда свершилось пораженье,
И зимней ночи дуновенье
На безмогильное чело
И снѣгъ и иней нанесло,
И волкъ щеку лдяную гложеть,
А вранъ пробить ее не можетъ.
То чаща дикая была :
На ней межъ низкими кустами
Каштанъ и дубъ взнеслись мѣстами
И ель угрюмая росла.
Вотъ что спасло меня. Предъ нами
Кустарникъ гнулса, и вѣтвями
Слегка касался лишь меня;
Не могъ сорваться я съ коня;
Боль одолѣлъ я силой мужа,
А раны мнѣ стаяла стужа.
Какъ вѣтръ, шума среди листовъ,
Мы оставили за собою
Кусты, деревья и волковъ.
Мнѣ слышенъ былъ ночной порою
Лѣсныхъ страшлиницъ легкій скокъ
И шелестъ ихъ скользящихъ ногъ,
Тотъ бѣгъ, который охлаждаетъ
Борзыхъ свирѣпую вражду
И рвенъ ловчихъ утомляетъ.
Вездѣ по конскому слѣду,
И предъ зарей не убѣгая,
Гналася жадно волчья стая.
Съ разсвѣтомъ, по лѣсу несясь,
Я видѣлъ ихъ за шагъ отъ насъ.
О, какъ желалъ я, чтобъ со мною

Мой вѣрный мечъ въ ту пору былъ :
 Пусть я бы палъ, но палъ бы съ бою—
 Враговъ бы много положилъ !
 Я умолялъ судьбу сначала,
 Чтобы скорѣй меня домчала
 Къ предѣлу бѣга; но теперь
 Я въ силѣ конской сомнѣвался.
 Вотще: неукротимый звѣрь
 Подобно горной сернѣ мчался—
 И свѣгъ не падаетъ скорѣй,
 Когда внезапно у порогу
 Застанетъ жителя полей
 И заградить ему дорогу,
 Взоръ ослѣпяя бѣлизной:
 Такъ неся въ чащѣ онъ лѣсной,
 Все дикъ, все съ яростію равной,
 Золъ, какъ ребенокъ своенравной,
 Иль какъ упрямая жена,
 Когда бѣснуетъ она.

XIII.

Миную лѣсъ. Ужъ полдень былъ,
 Но лучъ Юньской не палилъ.
 Я дрогъ отъ стужи, иль, быть можетъ,
 Уже моя хладѣла кровь:
 Отвагу мука превозможетъ.
 Въ ту пору былъ я не таковъ,
 Какимъ тебѣ кажуся нынѣ.

Я былъ, какъ бѣшеный потокъ—
 Страдать и радоваться могъ
 Не беспокоясь о причинѣ.
 Меня снѣдали гнѣвъ и страхъ,
 Морозъ и голодъ, стыдъ, досада:
 Я былъ привязанъ, я былъ нагъ —
 Я испыталъ терзанья ада.
 Я созданъ весь въ отцевъ монхъ:
 Встревожъ лишь этотъ духъ могучій,
 Воспламени въ насъ кровь — и вмигъ
 Она кипитъ, какъ змѣй гремучій,
 Когда притоптанъ онъ ногой.
 Такъ мудро ли, что и сила
 Жестокой пытки уступила?
 Земля бѣжала подо мной,
 А небо будто бы кружилось;
 Стремглавъ я падаю, мнѣ мнилось;
 Увы! я твердъ былъ на конѣ;
 Но душно, тошно стало мнѣ,
 Стихала кровь — остановилась...
 Надъ головою небеса
 Быстрѣй вращались колеса;
 Древа шатались какъ хмѣльные;
 Сверкнули блески огневые
 Въ глазахъ — и вдругъ все стало тьмой;
 Исчезло все, и я живой
 Ужъ смерть извѣдалъ надъ собой.
 Рѣдѣла мгла и вновь сгущалась;
 Я гналъ смертельный этотъ сонъ;
 Но тщетно воля порывалась;
 Мой духъ былъ мукой омраченъ.

Мнѣ было какъ въ морской пучинѣ
Пловцу, который, ко бревну
Прильнувъ, уносится къ пустынѣ,
Глотая хладную волну.
Какъ огнецвѣтными видѣнья,
Являясь намъ въ полночный часъ,
Мелькнутъ и кроются изъ глазъ:
Въ жару недужнаго томленья,
Такъ волновалась жизнь моя.
Теперь утихла боль, но я
Позналъ еще лютѣе ея
Невыразимое смятенъе.
Признаться ль? сердцу мысль тяжка,
Что мнѣ въ предсмертное мгновенье
Грозитъ такая же тоска.
Быть можетъ, мигъ возврата къ праху
Еще мучительнѣй, грознѣй:
Но что мнѣ смерть? не я ль безъ страху
Стократъ леталъ навстрѣчу ей?

XIV.

Я ошлѣ: гдѣ я? что со мною?
Морозъ; кружится голова;
По жиламъ медленной струею
Густая кровь течеть. Сперва
Жизнь непримѣтно развивалась;
Вдругъ пробудилась боль опять,
И сердце судорогой сжалось
И стало снова замирать.

Межъ-тѣмъ въ ухахъ звучало странно ;
 Я всматриваться начиналъ ,
 Но все мнѣ видѣлось туманно ,
 Какъ бы глядѣлъ я сквозь кристалъ .
 Мнѣ чудилось воды плесканье
 И неба звѣзднаго сіянье .
 Не сонъ ли? нѣтъ—я наяву
 Черезъ рѣку съ конемъ плыву .
 Потокъ, разлившійся широко,
 Шума, стремитъ за валомъ валъ :
 Еще до берега далеко,
 До тѣхъ нѣмыхъ и грозныхъ скалъ .
 Водой студеной омоченный,
 Я вырванъ былъ изъ забытья,
 Минутной силой обновленный .
 Мой конь, отвагою кипя,
 Широкой грудью напираетъ .
 Волна реветъ и отступаетъ .
 Ужъ берегъ не вдали ;
 Вотъ наконецъ мы доплыли .
 Но пристаю я не плѣнялся :
 Все было мрачно позади ;
 Все ночь и ужась впереди .
 Не знаю, долго ль продолжался
 Мой смертный сонъ: я сомнѣвался,
 Еще ль есть духъ въ моей груди .

XV.

Отъ влаги шерсть коня блеститъ,
 А съ ребръ и гривы дождь стекаетъ .

Клубится парь; онъ весь дрожить,
Но бодро мышцы напрягаетъ;
Летитъ по крутизнѣ.

Взбѣжалъ — вотъ берега вершина.
Въ ночной тѣни открылась мнѣ
Неизмѣримая равнина.

Какъ страшной бездны глубина,
Зіяющей въ видѣньяхъ сна,
Все далѣ, далѣе она
Тянулась, оку несобятна.

На ней, гдѣ-гдѣ, то бѣлзна,
То зеленѣющія пятна
Мелькали при лунѣ.

Но тамъ въ пустынной тишинѣ
Ничто не говорило мнѣ
О мирномъ кровѣ хаты дымной:
Нигдѣ дрожащій огонекъ
Меня звѣздой гостепріимной
Издалика къ себѣ не влекъ,
Ни свѣтъ блудящій не явился
Мнѣ надъ болотомъ сквозь туманъ.
Увы! я тщетно бѣ имъ прельстился;
Но мнѣ бы сладокъ былъ обманъ,
Напомявъ мнѣ въ мѣнхъ мученьяхъ
О человѣческихъ селеньяхъ.

XVI.

Впередъ, но тихо влекся конь;
Погасъ въ немъ ярости огонь;

Онъ съ головою наклоненной ,
 Облитый пѣной, чуть ступалъ ;
 Теперь легко бы удержалъ
 Его ребенокъ разслабленный.
 Что пользы? я привязанъ быть.
 Но будь и воленъ — изможденный,
 Къ спасенью гдѣ бы взялъ я силъ?
 Однако трепетной рукою
 Оковы рвать пытался я;
 Напрасно: только боль моя
 Усмыслась съ борьбою—
 И бросаю я бесплодный трудъ.
 Казалось, бѣгъ кончался тутъ.
 Такого ль я желалъ предѣла?
 Межъ-тѣмъ заря уже агѣла
 Предвѣстницею дня. Но день
 Такъ тихо, тихо приближался!
 Не встанетъ солнце — я боялся —
 И не исчезнетъ ночи тѣнь.
 Она такъ тихо проходила,
 Пока пурпурное свѣтло,
 Притекши въ сонмъ ночныхъ царницъ,
 Назадъ не призывало сіянья
 Отъ ихъ блестящихъ колесницъ
 И не покрыло мірозданья
 Съ престольной высоты своей
 Красною собственныхъ лучей.

XVII.

Явилось солнце — и туманы
 Исчезли предъ его лицомъ;

Вездѣ пустыннымъ лишь страны
Глазамъ представлялись кругомъ.
Увы! какъ долго я ни мчался,
Напрасенъ былъ ужасный бѣгъ.
Мнѣ здѣсь въ глуши не повстрѣчался
Ни дикій звѣрь, ни человекъ.
Здѣсь надъ роскошною землею
Невидно было ни слѣда
Людей, ни признака труда,
Нигдѣ тропинки подо мною.
Дремало эхо въ тѣхъ мѣстахъ;
Молчалъ кузнечикъ подъ травою,
И птичка съ утренней зарею
Не пѣла пѣсенки въ кустахъ.
Но версты мѣрилъ конь: казалось,
Съ дыханьемъ каждымъ у него
Въ мученьяхъ сердце разрывалось.
Вокругъ все глухо — никого.
Но чу! я въ роцѣ слышу ржанье;
Вѣтвями что-то шевелить.
Иль это вѣтра колыханье?
Нѣтъ, стадо лошадей бѣжитъ;
Оно копытами стучить;
Ряды волнуются, чернѣютъ—
И ближе, ближе каждый мигъ.
Хочу кричать; но замеръ крикъ:
Уста изсохшія нѣмѣютъ.
Какъ величаво кони рѣютъ!
Какъ поступь ихъ вольна, легка!
Но гдѣ же правящій конями?
Ихъ тьма — и нѣтъ ни ѣздока.

Играетъ вѣтеръ ихъ хвостами;
 Ихъ гривы выются высоко;
 Раздуты ноздри широко;
 Неокровавлены ихъ морды
 Прикосновеніемъ удилъ;
 Металъ боковъ ихъ не браздилъ,
 Ихъ рѣзвыхъ ногъ не тяготилъ.
 Ихъ тѣла: свободны, дикки, горды,
 Они какъ волны вслѣдъ волнамъ,
 Толпясь, шумя, несутся къ намъ.
 Усталый конь мой намгновенъ
 Ихъ видомъ вновь былъ ободренъ:
 Еще разъ силы собралъ онъ,
 Но изнемогъ въ послѣднемъ рвенъ:
 Онъ лишь пришельцамъ отвѣчалъ
 Чуть внятнымъ ржаніемъ—и палъ.
 Его глаза оледѣли;
 Храпя, недвижимъ онъ лежалъ—
 Ужъ онъ навѣки отбѣжалъ!
 Но вотъ къ намъ кони прилетѣли:
 Предъ ними падшій ихъ собратъ
 И я, опутанный ремнями,
 Въ крови на немъ. Они стоятъ,
 Дышатъ прерывисто ноздрями,
 И ржутъ и пышутъ и храпятъ;
 То легкимъ скокомъ удалятся,
 И вихремъ по полю кружатся,
 То вновь трепеща подойдутъ,
 То, отпрыгнувъ, назадъ бѣгутъ—
 И черный конь, высокъ и статенъ,
 Съ блестящей шерстію безъ пятенъ,

Царемъ ихъ скачетъ впереди—
И съ дикимъ ужасомъ въ груди
Отъ человѣческаго взора
Они несутся въ сумракъ бора.
Одинъ съ отчаяньемъ нѣмымъ
На хладномъ трупѣ я томился ;
Сопутникъ мой не тяготился
Докучнымъ бременемъ своимъ.
А я, на мертвомъ умирая,
Не чаялъ, чтобъ заря другая
Опять увидѣла меня
Бездомнымъ, круглымъ сиротою.

Отъ утра до заката дня
Тяжелыя часы чредою
Влачилися. Жизни у меня
Едва ли столько оставалось,
Чтобы увидѣть, какъ склонялось
Въ послѣдній разъ свѣтло дня.
Но кто съ бѣдою неизбѣжной
Не примирится наконецъ?
Съ душой покорно-безнадежной
Я видѣлъ близкій свой конецъ,
То, что пророческіе годы
Являютъ ужасомъ вдали;
Но что для бѣдныхъ чадъ земли
Благодѣяніе природы ;
Чего однако же бѣжимъ
Мы всѣ съ стараніемъ такимъ,
Какъ будто бы страшились кова,
Который можно миновать

Усилимъ ума людскаго ;
Чего случается желать,
Иль остреемъ меча искать;
Но что всегда для насъ пребудеть
(Съ какимъ ни явится лицомъ ,
И какъ ужасна жизнь ни будетъ)
Еще ужаснѣйшимъ концемъ.
И странно: кто до пресыщенья
Вкусилъ мірскія наслажденья,
Кто шумно тратилъ дни свои
Въ пирахъ и въ иггъ и въ любви —
На смерть готовѣ порою,
Чѣмъ тотъ, кто былъ рожденъ страдать.
Одинъ успѣлъ ужъ испытать
Все, что ни мило подъ луною—
И все постыло для него,
И онъ не ждетъ ужъ ничего.
Другой — онъ дышитъ упованьемъ
Конца дожидаться всѣмъ страданьямъ.
Ему бы другомъ смерть считать:
Нѣтъ, смерть въ глазахъ его какъ тать,
Къ нему лившійся, алкая,
Лишить его земнаго рая.
Назавтра былъ бы счастливъ онъ;
Забывъ судьбы удары злые,
Назавтра, сердцемъ обновленъ,
Не сталъ бы плакать онъ впервые—
И дней прекрасныхъ длинный рядъ
Уже сквозь слезъ ему открылся
Въ замѣнъ и горестей и тратъ;
Онъ завтра бъ съ міромъ примирился,

Блестать бы могъ, повелѣвать,
Карать, спасать своею силой —
И этотъ день . . . уже ли встать
Онъ долженъ надъ его могилой?

XVIII.

Ужъ солнце догарало. Я
Все былъ на трупѣ охладѣломъ
И мнилъ, что скоро съ конскимъ тѣломъ
Должна смѣшаться персть моя.
Къ спасеню не было надежды:
Предсмертный мракъ сходилъ на вѣжды.
Я устремилъ на небеса
Прощальный взоръ, и чтожъ? надъ нами
Голодный воронъ ужъ вися.
Онъ радостно махалъ крылами,
Онъ пожиралъ уже глазами
Почти готовый ужинъ свой.
То онъ порхалъ, то онъ садился,
То вновь надъ самой головой
Смѣлѣе прежняго носился —
И если бъ я владѣлъ рукой,
Я бъ могъ поймать его за крылья.
Но тихій шорохъ отъ усилья,
Но легкое движенье рукъ,
Да звукъ изъ горла одичалой
(Едва ль былъ голосомъ тотъ звукъ),
Все это ворона прогнало.

Вотъ все, что знаю. Лишь одно,
 Мое послѣднее видѣнье,
 Еще мнѣ помнится темно:
 Звѣзда горѣла въ отдаленьѣ,
 И въ свѣтѣ трепетномъ плыла,
 И на меня свой блескъ лпла;
 Потомъ мигъ жизни, мигъ смятенья,
 Мигъ хлада, мрака, цѣпенѣнья,
 И вновь къ ничтожеству возвратъ,
 И вновь мгновенное дыханье,
 И дрожь, и жизни колебанье,
 Томительный на сердцѣ хладъ,
 Летучихъ искръ въ глазахъ сверканье,
 Единый вздохъ, единый стонъ...
 А тамъ глубокий, долгій сонъ.

XIX.

Очнулся я; но гдѣжь? уже ли
 Ко мнѣ склонился взоръ людской?
 Уже ли кровь надъ головой?
 Уже ль покоюсь на постели?
 И точно ль человѣка ликъ
 Такимъ сіяетъ умиленьемъ?
 Я вновь закрылъ глаза намигъ,
 Боясь обмануть быть видѣньемъ.
 У стѣнки, въ хатѣ казака,
 Сидѣла дѣва предо мною—
 Стройна, прекрасна, высока,

Съ густой, распущенной косою.
Оживъ, замѣтилъ я тотчасъ
Ея сверкавшій черный глазъ.
Она заботливо, порою,
Привставъ, бросала на меня
Взоръ быстрый, полный сожалѣнья—
И наконецъ повѣрилъ я,
Что то не призракъ сновидѣнья,
Что я живу, что ужъ теперь
Меня не тронетъ хищный звѣрь.
Узнавъ, что жизнь во мнѣ проснулась,
Моя казачка улыбнулась,
И я дрожащимъ языкомъ
Ей отвѣчать хотѣлъ, но тщетно.
Она жъ приблизилась привѣтно
И, сжавъ уста себѣ перстомъ,
Молчать велѣла, и съ любовью
Свою мнѣ руку подала;
Потомъ, склонившись къ изголовью,
Его слегка приподняла,
Потомъ, нацѣпочкахъ пошла,
Дверь осторожно отворила
И тихо, тихо говорила,
И рѣчь ея сладка была,
Шаги гармоніей звучали.
Когда же ей не отвѣчали,
Она, еще мнѣ бросивъ взглядъ,
Ушла, давая знакъ рукою,
Что вмгъ воротится назадъ:
Я вновь остался сиротою.

XX.

Но скоро съ матерью, съ отцомъ
Она пришла . . .

Чего же болѣ?

Я докучать не стану долѣ
Подробной повѣстью о томъ,
Что сдѣлалось со мной потомъ.
Меня полмертвымъ въ чистомъ полѣ
Казачи бѣдные нашли,
Въ жилище ближнее снесли
И попеченьями своими
Меня отъ гибели спасли—
Меня, котораго надъ ними
Судьба готовила главой.
И вотъ какъ извергъ изступленный
Насытилъ гнѣвъ ревнивый свой!
Глупецъ, на казни ухищренный,
Въ пустыню бросилъ онъ меня,
Нагимъ, въ цѣпяхъ, въ крови, не мня .
Что я чрезъ степь шагну ко власти!
Кто угадаетъ свой удѣлъ?
Не унывай никто въ напасти!
Быть можетъ, Турціи предѣлъ
Мы завтра узримъ предъ собою—
И признаюсь, Дитѣромъ-рѣкою
Ужъ напередъ плѣняюсь я.
Покойной ночи вамъ, друзья!

Казакъ простерся съ этимъ словомъ
На лиственномъ одрѣ своемъ,

Ему нежесткомъ и неновомъ:
 Когда и гдѣ уснуть — о томъ
 Онъ на вѣку своемъ суровомъ
 Заранѣ думать не привыкъ.
 Сонъ одолѣлъ Мазепу вмигъ.
 Вамъ можетъ страннымъ показаться,
 Что Карлъ *спасибо* не сказалъ;
 Но могъ ли Гетманъ удивляться?
 Король давнымъ-давно ужь спалъ.

Э П И Л О Г Ъ.

О, если до тебя, вѣнчанный славой Бриттъ,
 На брегъ Элизія мой голосъ долетитъ—
 Незрѣлыхъ силъ моихъ простишь ли покушенье?
 Я слабою рукой твое произведенье
 На почву родины дерзнулъ пересадить;
 Нагѣвъ твой я дерзнулъ смиренно повторить
 На громкомъ языкѣ отеческой державы.
 Онъ намъ принадлежитъ, нагѣвъ сей величавый:
 Въ немъ слухъ нашъ узнаетъ родныя имена,
 Которыхъ блескомъ Русь павѣкъ озарена.
 Въ немъ назвалъ ты Москву, Петра и день Полтавы,
 Полтавы, гдѣ взошла денница Русской славы,
 Полтавы, что воспѣлъ народный нашъ повѣтъ,
 Какъ ты судьбиной злой сраженный въ цвѣтъъ лѣтъъ.

Но, чуждый намъ орелъ, какимъ же вдохновеньемъ
Ты въ край нашъ залетѣлъ? Гигантъ воображеньемъ,
Ты кистью мастерской картину начертаелъ,
Какъ въ дебряхъ дикій конь съ Мазепою леталъ—
И яркой истины полна твоя картина.
Какъ часто этотъ конь, кипящій какъ пучина,
Уму напоминалъ могучій геній твой,
Свободный будто вихрь, какъ лава огневой!
Какъ онъ въ своихъ степяхъ, пролетнымъ метеоромъ
И ты мелькнулъ намигъ передъ вселенной взоромъ;
Какъ онъ Мазепу несъ, свершая грозный бѣгъ,
Такъ влекъ ты за собой свой изумленный вѣкъ;
Какъ онъ, ты палъ стремясь; по цѣли вождѣвннной
Достигнуть не успѣлъ: ты умеръ утомленный
И жизнью и страстями и славою своею!
Какъ онъ . . . нѣтъ, онъ рвался къ лѣсамъ своей отчизны—
А ты . . . Но ты великъ — и слово укоризны
Не вырвется изъ устъ надъ урною твоею,
И съ трепетомъ свой трудъ кладу я передъ ней!

Я. Г.

Февраль,
1837.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

9
AP
50
S695
t.9-12
1838

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ВОЕЙКОВА И КОМП.

1838.